ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

К. ВАЛИШЕВСКИЙ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ

Библиотека проекта «История Российского государства»

Казимир Валишевский

Восстановление нации

«Издательство АСТ»

1909

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Валишевский К. Ф.

Восстановление нации / К. Ф. Валишевский — «Издательство АСТ», 1909 — (Библиотека проекта «История Российского государства»)

ISBN 978-5-17-103725-3

Библиотека проекта «История Российского государства» – это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков. Книга знаменитого польского историка конца XIX – начала XX века Казимира Валишевского о первых Романовых – это блестящий образец салонно-будуарной историографии. Несмотря на внешнюю легкость изложения, сочинение К. Валишевского является результатом кропотливого труда автора в российских и зарубежных архивах. Книга изобилует красочными подробностями повседневной жизни двора русских царей и рассказывает о той подоплеке известных событий, о которой обычно умалчивала официальная наука.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103725-3

© Валишевский К. Ф., 1909
© Издательство АСТ, 1909

Содержание

Восстановление нации 6
Глава I 6
1. Украйна 6
2. Смешение рас 7
3. Украинские казаки 9
4. Запорожские рыцари 11
5. Польская культура 14
6. Украинская проблема 15
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Казимир Валишевский
Восстановление нации

Библиотека проекта Бориса Акунина «История Российского государства» издается с 2014 года

Разработка макета переплета – *Андрей Ферез*

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентством Shutterstock и свободными источниками

© B.Akunin, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Восстановление нации

Глава I
Польско-русская Украйна

1. Украйна

Украйна, или Окраина, означает собою пограничную страну. Еще теперь русские называют таким же образом различные окраинные части своей империи: польские губернии, Закавказье, Среднеазиатские владения. В старину такое название служило, в частности, для обозначения обширного пространства с неопределенными границами, которое, развернув свои равнины по нижнему течению Дуная до Днепра и Дона, касаясь с одной стороны Карпат, а с другой простираясь вдоль Черного моря, представляло в одно и то же время нечто вроде нейтральной почвы между соседними странами и связующий пункт между Европой и равнинами Средней Азии.

По этому пути некогда азиатская жизнь проникала в европейский мир, и здесь-то именно два течения, цивилизация и варварство, явившись с того и с другого континента, встречались и сталкивались с ужасною силой. Этим путем с востока проникали на запад перелетные птицы, саранча, кочевые племена, монгольские армии и чума. С запада, с целью остановить варваров перед угрожаемыми очагами культуры, защитники цивилизации выходили на это поле битвы, где непрерывно встречались армии древности и современных эпох, начиная с Дария и Кира и до польских легионов. По словам одного поэта [А. Мицкевича], «на этой ниве, вспаханной лошадиными копытами, унавоженной человеческими трупами, усеянной белыми костями, орошенной горячим дождем крови, выросла жатва печали».

Будучи пограничной страною, Украйна часто меняла как свои границы, так и своих господ. Не имея исторически известных владетелей до водворения варяжских князей в Киеве, включенная позже, до Карпат и Дона, в состав Русского государства Владимиром (980–1054) в первой половине четырнадцатого века (1319–1333), она вышла из этой агрегации и досталась Литве. В следующем веке новый поворот судьбы снова переменил ее участь, и до взятия Константинополя турками она, открывая им доступ в Молдавию, Валахию и даже на берега Днестра, на всю огромную территорию между этою рекою, Днепром и Черным морем, увеличила собою владения Польши в литовско-польской федерации, которую создало вступление Ягелло во владение наследием Пястов. Во второй половине пятнадцатого века, северо-восточная граница обеих стран находилась в ста пятидесяти километрах от Москвы! На юго-востоке прибрежные города Белгород, Очаков, Кочубей являлись польскими портами. Отправляя отсюда огромные транспорты хлеба в Грецию, они создали состояние большого количества польских фамилий: Бучацких, Ясловецких, Сенявских, владевших обширными соседними областями.

Между тем со второй половины того же века победоносное и разрушительное вторжение оттоманской державы положило конец этому много обещавшему возрождению. Заставляя постоянно отступать польскую оккупацию, оно ограничило ее на юге окрестностями Киева, Брацлава и Бара. За ними и до моря оно оставило вне власти султана лишь обширные степи, отныне совершенно некультивированные, так называемые «дикие поля» (dzikie pola), где только кое-где сохранились еще следы древних человеческих селений.

Еще позже, во второй половине шестнадцатого века, подъем польского господства и польской культуры обнаружился снова в тех же местах, никогда уже не достигая, однако, прежних

размеров, и в это время название «Украйна» прилагалось вообще поляками к этой части их владений, но всегда в довольно общей форме. Официально это название появляется впервые в «конституции» 1530 года (Volumina legum, II, 1320); но позже им еще пользовались довольно неопределенно, когда говорили о «бесконечном пространстве» по ту сторону Случи и Мурахвы, в бассейне Днепра и Буга, до разделения водных путей с Донцом и «Очаковскими степями». В одних палатинатах Киева и Брацлава насчитывалось 2183 квадратных лье, но вместе с Черниговским княжеством в эту цифру включались часто и другие области.

Происхождение и этнический характер населения этой страны нелегко поддается определению. Легенда открывает там великанов, viéletni, viélinianié (великанов – по-русски, wielki – по-польски) и обров (olbrzym – великан по-польски и по-чешски). Шафарик находит тот же корень в названии «анты», которое дано было в Германии тому же населению.

В северной части страны, как менее дикой, это население, по-видимому, рано обнаруживало наклонность к промышленности, но в то же время черты изнеженности и сибаритства выступали в нем очень заметно. Киевские женщины слыли кокетками и щеголихами, и Болеслав Польский, явившись в этот город в 1706 году на помощь русскому князю Изяславу, нашел там настоящую Капую. В царствование первых князей из дома Рюрика жизнь в этой стране производит впечатление постоянного праздника. В эпических песнях, относящихся к этой эпохе, воспеваются лишь пиры, за которыми восседал Владимир Ясно Солнышко и герои и героини этого эпоса отличаются не только храбростью, но и распутством; таков был Чурило Пленкович, настоящий тип воинственного донжуана, такова также жена Дуная, обнаруживающая удивительную ловкость в стрельбе из лука и вместе с тем умеющая унизить мужа и другим способом. Глубоко демократический дух, кажется, был свойствен этому нарождающемуся обществу. Противопоставленные герцогам и королям любимцы легенды всегда темного происхождения, сыновья мужиков и бедняки.

Единственным культом, царившим среди них до самого введения христианства, являлся культ силы. Позже, столкнувшись друг с другом, эти два принципа создают какую-то смешанную культуру, и Киев, эта эфемерная столица империи, основанной на насилии, и очаг интенсивной религиозной жизни, любимое место для оргий, где победоносные казаки семнадцатого века будут соперничать с варяжскими победителями десятого века, и центр паломничества, отразил в себе все эти различные настроения. Но вместе с нормандскою победою, предшествующею польскому завоеванию, в эту среду проникли и другие элементы: греки, шведы, датчане, поляки, немцы, евреи, болгары, и их наплыв, шедший неудержимым потоком, никогда не прекращался.

Каково же было местное коренное население, если таковое существовало, и какие отношения установились между ним и этими иммигрантами?

2. Смешение рас

Русские историки, весьма склонные признавать этническое единство этих областей с их отечеством, сами по большей части признают существование там в прошлом древнего народа, который должен был предшествовать нормандскому завоеванию и который еще теперь ярко выделяется в им же созданной общине. Этот народ по-прежнему занимает большую часть древней Украйны, половину Галиции и Буковины, Люблинскую губернию в царстве Польском, Волынскую, Подольскую и Киевскую губернии, часть губерний Ковенской и Минской, целые губернии: Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую и Область войска Донского. Он населяет также в значительной степени Воронежскую, Курскую и Херсонскую губернии. Институты этого народа встречаются, наконец, в губерниях Саратовской, Астраханской, Самарской и Оренбургской. Называясь теперь малороссами, украинцами, русинами, черкасами, русинскими хохлами или просто русскими, представители этой расы могли быть свя-

заны своим происхождением с легендарными племенами девятого века, viélinianié или обрами, о которых уже было упомянуто выше; они известны еще под именем дулебов в Западной Волыни, бужан на берегах Буга, тиверцев на Днестре или улечей, угличей при впадении этой реки в море, хорватов по соседству с Галицией, древлян в теперешнем Полесье, полян на Днепре и т. д. И таким образом Россия разделена на две части.

По мнению историков школы Погодина, одно из этих племен, отброшенное с юга на отдаленный север, к озеру Ильменю, по всей вероятности, восточного происхождения, основало Новгород, тогда как поляне выстроили Киев. С течением времени все племена того же происхождения разделились на три разные группы, хотя этнически и тождественные: русских юга, белоруссов и великороссов. Национальное единство должно было таким образом взять верх над видимой разноплеменностью. Но такой генезис является совершенно невероятным.

Название «русс» происходит, несомненно, от нормандского корня. Посланцы Олега в Константинополе – Имегальд, Руальд, Фарлов, Карн, Фрелав – не были, конечно, славянами. Норманны, завоеватели Новгорода и Киева, назвались здесь русскими так же, как они назвались шведами, англичанами или готами, и только их победа на севере, как и на юге, соединила на время, путем насилия, распылившиеся подчиненные народы, как позже, в двенадцатом веке, разложение империи Мономаха вернуло их к их первоначальной гетероморфии.

Были ли эти народы, которым норманнский цемент придал эфемерную прочность, общего происхождения и была ли их общность славянскою? И это не менее проблематично. В эпоху, предшествующую норманнской победе, Нестор не знает славян в окрестностях Киева. Он указывает, что они почти всецело сосредоточились в области Двины и Верхнего Днепра, Ильменя и Днестра, и последний историк, занявшийся этим вопросом, несмотря на крайне тщательное его изучение, Грушевский, не пришел ни к какому решительному выводу. Украйна была заселена еще до того, как в нее проникли норманны, и это коренное население принадлежало к индоевропейской расе, – вот все, что он осмеливается утверждать, принимая только, как нечто вероятное, разветвление этих народов от славянского элемента.

Не менее вероятно и то, что с самого начала та историческая индивидуальность, которая потом стала Россией Петра, нашла в этой области свой первый центр; она тут сформировалась как нация и тут же оставила славные воспоминания и глубокий след особенного героя. Ценность этих фактов не может быть оспариваема. Позднейшее литовское завоевание, сопровождавшееся расцветом польской культуры, создало и другие, которых нельзя игнорировать, но для развития их не было достаточно времени. Киев не может отречься от своего русского прошлого, где блистали имена Владимира, Игоря и Ольги, являлось ли оно историческим или легендарным. Польская оккупация не дала ничего подобного этой чудесной эпопее, и если принять во внимание славные предшествовавшие события десятого века, победоносное возвращение русской власти в этот древний очаг должно было принять в семнадцатом веке характер реванша и законного возвращения своей собственности. Поляки могли бы согласиться с этим, нисколько не оскорбляя своего чувства гордости. Они в этой области сделали много, да и могут выставлять более основательные претензии в других местах. Что же касается вопроса, к какой семье принадлежали местные аборигены, деятельные или пассивные жертвы той долгой борьбы рас, которая продолжается еще и на наших глазах, – то это является проблемою, которая, вероятно, не будет разрешена никогда; ее важность, впрочем, очень преувеличена. Разве один польский ученый, профессор Краковского университета, не выставил гипотезу, что общею колыбелью всех славянских рас был центр современной России? И разве его соотечественники побили его за это камнями? По этой гипотезе даже поляки берегов Вислы или Варты происходят оттуда же. На берегах Днепра русские и малороссы боролись веками против ненавистных им ляхов (поляков), видя в них ярых врагов своей национальности. А по словам Ростафинского, первые ляхи, известные нам, были русские.

В начале семнадцатого века, в ту эпоху, к которой следует обратиться, чтобы собрать об этой спорной стране менее проблематичные данные, Польша уже начала распространять в ней свое господство, причем юго-восточные границы ее владений обозначались рядом укрепленных городов: Остром, Киевом, Каневом, Черкассами, Белой Церковью, Брацлавом и Винницею, также как и военными пунктами в Василькове, Корсуни, Переяславле на месте прежних разрушенных крепостей. Дальше, в том же направлении, Бар и Хмельник представляли собой аванпосты в области вновь предпринятой колонизации. Еще дальше и до самого Черного моря, через теперешние губернии Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую и южную часть губерний Черниговской, Киевской и Подольской, простирались «дикие поля», область почти пустынная зимою или населенная одними медведями (ursi campestres), выдрами, зубрами, лосями, оленями, антилопами, кабанами, дикими лошадьми и волками. Последние во время больших холодов, часто являвшихся гибельными для остальных зверей, становились царями этой заповедной области.

В это время года нигде не видно было следа дыма, который указывал бы на какое-либо человеческое жилище, за исключением древнего Переяславского округа и нескольких полян и островов, затерянных среди болот по берегам Сулы и Псела, где существовали и прятались остатки одного из древних туземных племен, севрюки.

С возвращением весны картина менялась. В степи снова появлялась жизнь, и она покрывалась роскошною растительностью, которую так поэтически описал Гоголь, и в то же время начинали показываться люди. Какие люди? Сначала татары, великие скотоводы, которые покидали в апреле свои крымские улусы и приводили сюда огромные стада. За ними следовали турецкие, татарские и особенно армянские купцы, путешествовавшие караванами с изделиями Востока для рынков Польши, Литвы и Москвы, и встречавшиеся в пути с сольниками, или торговцами солью, направлявшимися в обратную сторону, в Крым, за товаром. Эти партии следовали проторенными с незапамятных времен путями, татары называли их «шляхами». За ними наконец появлялись казаки.

3. Украинские казаки

Являясь общим, как мы это видели, всем частям древней Польши и древней России, этот элемент принимал здесь различные названия, заимствованные ими обычно от мест их пребывания или стоянок: днепровских казаков, запорожских, т. е. прибрежных жителей по ту сторону знаменитых порогов, еще и теперь загораживающих течение реки низовских, или обитателей низов, около Черного моря, или просто казаков киевских, каневских, черкасских.

Состав этих групп был самый разнородный. Регистр пятисот казаков, составленный в 1581 году в Черкассах, содержит в их числе: двадцать москвичей, четырех молдаван, одного серба, одного немца и много поляков, из которых некоторые дворяне. Польские хроники той эпохи видят, с другой стороны, в этом космополитическом сброде преступников, вынужденных благодаря превратностям своей бурной жизни оставить отечество и спасаться в степь, чтобы жить там разбоем. Всякий, представлявший для них хорошую добычу, являлся их врагом, но так как между ними большинство были христиане, они нападали преимущественно на турок и татар.

Польские короли получают от них некоторые услуги, заставляя их оберегать окраинные места своих владений и препятствовать вторжению «язычников».

Но в более древнее время литовско-русские казаки, появившиеся в этих областях, часто объединялись с татарами для общих предприятий; между христианами и «язычниками» продолжалось смешение, создавалась близость, которая должна была сыграть большую роль в будущем деле Хмельницкого, и благодаря этому польза, которую могла извлечь Польша из этих помощников, являлась крайне сомнительною. В шестнадцатом веке действительно татарский

элемент сильно уменьшился в большинстве шаек, благодаря чему укрепился там польский элемент, но последний внушал к себе мало доверия. Наделав ряд глупостей или потеряв свое состояние, молодые люди из хороших фамилий все чаще и чаще отправлялись искать приключений в украинской степи, если не предпочитали играть в казаков, т. е. исполнять ремесло бандита на своей собственной земле. У одного современного польского писателя мы находим такое выражение: «наши чаще ходили “казачить” в татарскую землю, чем татары к нам». И следуют имена, принадлежавшие к высшей аристократии.

И, тем не менее, разбойничество, особенно вначале, совсем не составляло единственного или даже главного источника существования этой части украинского населения. Казаки занимались им, одновременно прилагая свои силы и к более честному труду: к рыбной ловле, охоте, земледелию. Между пятнадцатым и шестнадцатым веками произошло глубокое изменение в политическом, социальном и экономическом положении древнего Киевского княжества: феодальная система заменила старый коммунальный режим во владении землею. Поэтому присоединение этой страны к Литве, а потом к Польше имело своим последствием эмиграцию в соседнюю степь не только негодных элементов, но и землепашцев, искавших более подходящего образа жизни для их нарушенных привычек. Название атамана, даваемое казаками их начальникам, служило в древности для обозначения хозяина-рыбака. Кроме того, зима вынуждала и самих разбойников покидать степи, где нечем было бы питаться, и загоняла их в ближайшие города или местечки. Многие из них имели там семьи.

Набеги крымских татар, увеличиваясь, не давали возможности подвергнуть какой бы то ни было мирной эксплуатации степь, и они-то привели позже к типу военной организации. Полуартельщики, полупромышленники, наполовину грабительские шайки, эти группы развивались, таким образом приближаясь к типу своеобразного братства солдат-разбойников. Их центром был один из островков Днепра ниже порогов.

Очень возможно, что, напоминая собою во многих чертах своих западное рыцарство, эта бытовая форма имела своими основателями польских дворян, вроде знаменитого Альберта Ласского, этого высокопоставленного лица, который употребил на подкладку своего плаща двести семьдесят три декрета об изгнании, которому он подвергся. Желая после того спастись от преследования, он принялся воевать в Молдавии, собрав вокруг себя случайных товарищей. Время возникновения этой бытовой формы неизвестно, так как на Днепре, как и на Дону, казаки не любили грамоты. Польские чиновники, старосты и воеводы соседних городов, без всякого сомнения, поощряли их, надеясь найти у них помощь против татар, и не обошлось, конечно, без участия и таких искателей приключений среди польско-русских вельмож, как, например, князь Дмитрий Вишневецкий (или Висневецкий – по польской орфографии), князь Богдан Рожинский или ряд претендентов на трон Молдавии, постоянно появлявшихся в этих местах.

Впоследствии они снискали себе покровительство польских властей, выражавшееся, как и в отношениях Москвы с донскими казаками, в посылке лошадей, боевых припасов и провианта. Старосты и воеводы даже более или менее открыто поддерживали походы казаков в мусульманские страны и в случае нужды давали им подкрепления, получая в обмен часть награбленной добычи или отряды для отправления всякого рода службы: стражи, конвои, вспомогательные войска для кампаний, в которых участвовала польская армия. Казаки стали представлять собой, таким образом, постоянные личные отряды некоторых из польских царьков. Но у казаков того братства, которое основалось по нижнему течению Днепра, появились вскоре другие честолюбивые замыслы.

4. Запорожские рыцари

Под именем Запорожья или Нижа в семнадцатом веке разумели самую дикую часть, dzikie pola, по обоим берегам Днепра, ниже устьев Орелы и Тясмины и по ту сторону порогов. Громадные леса росли там по берегам реки, доставляя дерево для постройки флотилий казакам, а французскому инженеру Боплану, принятому на службу Польшею, кроме того материал для плотничьих работ в форте, предназначенном для наблюдения над смелыми плавателями и для удержания их в определенных пределах.

Стан, возникший в этом месте, далеко не включал в себя всех украинских казаков. Оставив в стороне многочисленные группы, которые постепенно дошли до более или менее полного подчинения польской дисциплине и культуре, он выделился в особую дикую организацию, независимое военное братство под начальством и управлением выборных людей. Столица, или главный его пункт, называемый Сечью или Кошью – этимология этого названия остается неизвестной – располагался на одном из островов Днепра – той самой Хортице, где в 1557 году Дмитрий Висневецкий предложил свои услуги Грозному, думая поразить этим турок и мечтая в то же время о захвате Молдавии. Эта главная резиденция не была, однако, постоянной. Казаки любили перекочевывать с одного места на другое, и после долгих споров между ними создались другие Сечи, но ни одна из них не пользовалась таким значением, как первая.

В самую блестящую эпоху своего существования, между 1600 и 1770 годами, братство, или Кравчина, как оно само себя называло, заняло более или менее прочно пространство между Бугом и Днестром. Эта территория была разделена на паланки, вначале на пять, а потом на восемь, отвечая больше назначению стратегических пунктов, чем центров почти отсутствующей организации. Столица имела вид небольшого городка, укрепленного земляными насыпями и палисадами. Большие деревянные казармы без труб, называвшиеся куренями, служили казакам обиталищем. В каждом из них могло поместиться до ста человек в одном зале, меблированном только столами вдоль стен. Посредине спали казаки прямо на голой земле, причем каждому из них отдавалось пространство около трех аршин. Водворяя его здесь, казаку говорили: «Это тебе при жизни, а после смерти будет место покороче».

Все функции, и военные и гражданские, распределялись путем выборов первого января каждого года, на общем собрании, где рассматривались также самые важные вопросы. Для текущих дел собирались более мелкие собрания (сходки), составленные из одних важных чинов (старшин) и стариков. Внутренняя полиция куреней и администрация паланок, если таковая имелась, состояла из советов, собиравшихся на местах, а во время походов военный совет соединял в себе все власти.

Избираясь, как все другие чины, только на один год, имея при этом право избираться каждый год, получая мандат, хотя и редко, несколько лет подряд, кошевой атаман представлял собой гражданского, военного и даже духовного главу коммуны. Он один управлял внешними сношениями дипломатического характера, утверждал выборы на все степени, руководил разделением между куренями земли, рыбной ловли, жалованья, провианта, доходов всякого рода и военной добычи.

В старшине находилось лишь четыре чиновника: атаман, судья, писарь и есаул. Главный начальник юстиции, гражданской и уголовной, судья заменял атамана в случае его отсутствия и в то же время занимал должность казначея. Есаул исполнял обязанности главного адъютанта атамана и министра полиции. Посланный в 1594 году императором для союза с Сечью против турок Эрик Лассота сообщает в своем дневнике, что его предложение обсуждалось последовательно в двух заседаниях старшины и на общем собрании всех казаков, и решение, как ему показалось, всецело зависело от последнего собрания. Решившись принять предлагаемые

условия, члены собрания бросали шапки в воздух, что служило у них знаком согласия, как у греков Гомера повязка, которою Калхас в таких случаях обвязывал свой шлем.

За исключением лошадей, оружия и военной добычи всё в Сечи принадлежало коммуне. Обеды были общие. Сотрапезники опускали деревянные ложки в большие чаши с кашей, наполняли свои ковши, тоже деревянные, из огромных жбанов, где водка чередовалась с медом и брагой. Из-за скудости доходов бедность являлась здесь законом, изгнав в принципе всякую роскошь в пище или в одежде. Случалось, что после какого-либо удачного набега какой-нибудь рыцарь Сечи, подобно Разину и его товарищам, появлялся в богатом турецком или польском костюме; но по обычаю, прежде чем явиться в курене, он должен был погрузиться в бочку дегтя, для того чтобы платье, надеваемое поверх грубой и грязной рубахи, потеряло всякое изящество.

В этой организации, созданной на демократических началах, корпоративной и коллективной, некоторые историки думали найти черты древних русских группировок эпохи веча, ведя отсюда к этническому родству обеих групп. Но следует заметить, что подобные частности обнаруживаются также в структуре большинства западных братств, и польское влияние чувствуется там с гораздо бóльшей вероятностью.

Всячески восхваляемая и рекомендуемая как модель некоторыми специалистами, военная организация Кравчины, кажется, не оправдала такого к ней отношения. Презрение к смерти, смелость, соединенная с хитростью, неутомимость и крайняя подвижность – таковы были главные качества, обеспечившие успехи «запорожского войска». Заимствовав у поляков разные виды вооружения, казаки их постепенно оставляли, не зная, как с ними обращаться, удовольствовавшись саблею и мушкетом: несмотря на пресловутую известность, их артиллерия не сыграла ни разу решительной роли на поле битвы. До Хмельницкого они сражались по большей части ночью, особенно предпочитая неожиданные нападения, а днем шли форсированным маршем, причем появлялись внезапно там, где их менее всего ожидали. Захваченные в дороге в свою очередь, они прятались за импровизированными укреплениями, устроенными главным образом из находившихся у них многочисленных повозок. Но они еще более предпочитали плавать в море, «чтобы сшить огненную рубашку Стамбулу (Константинополю)», по гиперболическому выражению одной из их боевых песен, а более прозаически: «чтобы достать себе зипуны, разграбив базары на турецкой стороне».

Для этих экспедиций они садились в легкие челноки, так называемые «чайки», где могло поместиться от сорока до шестидесяти человек, очень похожие на неаполитанские фелюги и на длинные испанские барки. Шесть недель было для них достаточно, чтобы экипировать такой челнок, на постройку его шло крепкое дерево, одетое липовою корою и вымазанное дегтем. Два руля, впереди и сзади судна, и от десяти до шестнадцати пар весел придавали ему быстроту движения, с которой не могли сравниться турецкие галеры.

Эти экспедиции устраивались обычно ко Дню св. Иоанна. На восьмидесяти или на сотне чаек, вооруженные несколькими пушками, казаки выбирали темную ночь, чтобы обмануть турецкий караул у устья Днепра. Они выплывали бесшумно из густой и высокой чащи тростника, теперь еще покрывающего эту область; они достигали моря, скоростью превосходя преследующие их тяжелые суда, и в шестьдесят или даже в сорок часов достигали Анатолии. Оставив по два человека в каждой чайке, они проникали в какой-нибудь побережный город, зажигали его, собирали все, что им попадало под руку, и садились опять в лодки. Если при возвращении они находили отступление отрезанным, они маневрировали в море до приближения ночи, имея заходящее солнце позади себя: благодаря этому им удавалось сбить с толку своих ослепленных противников, взять на абордаж какое-либо их судно и обратить в бегство остальные.

Их подвиги в этом роде сильно преувеличены, и хотя они и вызывали восторженное отношение к своему геройству со стороны нескольких историков, все же легенда о султане, смотря-

щем из окна своего дворца на преданные запорожцами огню и мечу предместья Константинополя, не соответствует исторической правде. На деле казаки проникли в Босфор только один-единственный раз, в 1627 году, и зажгли тогда деревню Усни-Киой, которая совсем не видна из Константинополя. В 1614 году они подступили к Синопу, но потерпели полное поражение.

Подвиги их на суше подверглись подобным же преувеличениям. В качестве разведчиков или помощников в партизанской войне они приобрели в семнадцатом веке европейскую известность, состоя на службе у императора Фердинанда II и способствуя поражению чехов, их братьев по расе, под Белой горой. Но как военная сила они сделались страшными лишь благодаря народным бунтам, которые они поддерживали довольно существенно, в качестве относительно дисциплинированного и обученного ядра. Им недоставало обучения для достижения настоящего мастерства в военном искусстве. Они создали для себя принцип жизни и долг чести из того состояния невежества и варварства, на которое их обрекали происхождение и образ их жизни. Честолюбие их было огромно, но оно руководилось крайне узкими и тривиальными понятиями. Одна из их *дум* свидетельствует об этом: казак, служивший при дворе Владислава IV, обратил на себя внимание польского государя своим воинственным видом. Тот предложил осыпать его почестями и даже обещал ему руку своей дочери, но, не зная, что со всем этим делать, казак просит только разрешения воевать с турками, чтобы привезти кучу пиастров в Сечь и иметь там возможность досыта напиться.

Этот идеал, чуждый всякой интеллектуальной утонченности, как и всякой моральной деликатности, плохо влиял даже на развитие известных военных доблестей. Он слишком благоприятствовал инстинктам грубого разгула. Под влиянием идей монастырского «порядка», который глухо проникал в конституции братства, казаки обрекали себя на безбрачие и должны были сохранять целомудрие. Другая *дума* рисует их неспособными даже различать пол или не знающими, как создана женщина. Увидев аиста, атаман наивно принимает его за молодую девушку. У казака нет другой подруги жизни, кроме трубки или войны и смерти. История набегов, в которых принимали участие эти суровые «рыцари», постоянно дает картины дикой оргии. Несмотря на повышенный тон и некоторые черты, обнаруживающие более благородные чувства – честь, веру, рыцарский героизм, – поэтические произведения украинских кобзарей были посвящены, как и сельских бардов с Дона, главным образом прославлению самых гнусных эксцессов.

Индифферентность по отношению к полу означала устранение всякого семейного чувства из этой среды. Серко, Ахилл Запорожья, был женат и имел двух детей, но так как женщин не принимали в Сечь, он виделся со своей женой лишь изредка. Казак по призванию должен был быть лишен очага и постоянного местожительства. «Он идет, куда хочет, и никто не плачет о нем», – говорит один поэт их вольницы. Коммунист, коллективист и особенно нигилист, он, в сущности, антисоциален. Довольно долго, хотя это и оспаривалось, он оставался, безусловно, чуждым также всякой идеи морали и религии. Если найдутся некоторые исключения в этом отношении, то они относятся не к индивидуумам, принадлежавшим к братству, а к лицам, от него оторвавшимся. В семнадцатом веке в Сечи не было церкви, и там не терпели ни одного священника. Встреча с попом даже за казацким станом считалась скверным предзнаменованием, одна дума в очень непочтительных выражениях говорит о запорожцах как о людях, которые так же неспособны отличить священника от козла, как церковь от скирды. Среди бури, угрожающей гибелью экипажу, герой одной баллады так советует своим людям: «Исповедайтесь милосердному Богу, морю и вашему атаману».

Церковная служба появилась среди братства только в позднейшую эпоху и под влиянием больше политических, чем моральных соображений. В семнадцатом веке ярый защитник православия, киевский митрополит Петр Могила, всенародно обзывал запорожцев неверующими, а самый красноречивый их защитник в польском лагере, Адам Кисель, признавался, что на них нужно смотреть как на religionis nullius. Даже в Москве во время переговоров с Эриком

Лассотой, дьяки приказа Внешних дел говорили: у этих людей совсем нет страха Божьего. Фактом наконец является и то, что в своих разбоях казаки также обходились с православными церквами, как и с католическими, а с другой стороны, приняв на себя миссию проповедника и смешивая при этом дело православной веры с казацкою независимостью, Иов Борецкий не мог добиться от рыцарей «Запорожья» материала для постройки колокольни в монастыре Св. Михаила, где он жил.

Таким образом, организованная Кравчина, в отношении цивилизации и колонизации, преследуемой Польшею в этой части ее обширных владений, представляла собой фактор, с которым нельзя было не считаться и который между тем представлял собой несомненно тормоз в этом отношении.

5. Польская культура

Последняя задача осложнялась целым рядом различных трудностей, вытекавших как из этнического состава местного населения, так и из различия исторических пережитков и национальных или религиозных его черт. Колонизация главным образом поддерживалась концессиями земель, которые отдавались польским правительством десятками квадратных лье своим слугам или любимцам, с обязательством заселять их и сделать ценными. Набор колонистов был обеспечен благодаря целой системе привилегий: полному освобождению от податей в течение от двадцати до тридцати лет; очень умеренному дальнейшему оброку; полному освобождению от юридической ответственности за преступления, совершенные в родной стране, и т. п.

В Польше в то время отсрочка податей допускалась, даже по отношению к подлежащей распашке земле, только на половинный предыдущему срок; барщина почти повсюду заменяла собою подати натурою или деньгами, а почва не была особенно плодородна. Наплыв эмигрантов был поэтому огромный. Боплан, несомненно, страдает какой-то галлюцинацией, когда говорит по этому поводу о волшебном нарастании деревень и городов среди этой пустыни. Он констатировал результаты последовавшей вековой работы. Польские писатели семнадцатого века пережили ту же иллюзию, говоря о сказочных богатствах, создавшихся в этих местах: чуть не в каждом поместье, по их словам, было до десяти тысяч голов скота, а медведи прямо объедались, разоряя многочисленные ульи. Отсюда получались также огромные состояния.

В 1620 году, после смерти князя Януса Острожского, оставленное им наследство насчитывало 600 000 дукатов, 400 000 экю, 29 000 000 флоринов наличными деньгами и двадцать бочек серебра в слитках. Таковы были сбережения украинского майората, состоявшего из восьмидесяти городов и 2660 деревень.

Но, подобно этому богатому магнату, большинство крупных концессионеров в этом месте были или русского, или русско-литовского происхождения и, смешиваясь с остатками туземного населения, привлеченные ими колонисты, даже если они прибывали из Польши, не принадлежали по большей части к польской национальности. Это были обыкновенно русины, т. е. другие представители той же этнической формации, с которой они снова смешивались после долгих мытарств.

Они принадлежали к древнему украинскому населению, русифицированному нормандским завоеванием и рассеянному потом благодаря татарскому, и турецкому нашествиям с давних времен по всей славянской земле на север и на запад. Теперь благодаря превратностям их исторической судьбы они снова водворились на место первоначального жительства.

По берегам Вислы и Немана эти оторванные от своего корня люди сохранили еще черты своего происхождения. В 1491 году в Кракове еще печатались книги на славяно-русском языке; в московском Румянцевском музее сохраняется экземпляр рукописи Евангелия от четырнадцатого века за подписью одного горожанина чисто польского города Казимирца, по имени

Ивана Шапника Леонтиевича, русского по происхождению, пожертвовавшего эту книгу местной православной церкви.

До назначения, впрочем, Мячеславом Первым в 968 году латинского епископа христианская Польша была подчинена моравскому архиепископству Мефодия, а следовательно, греческому ритуалу. В семнадцатом веке, кроме Украйны, она соединяла под своею властью другие части древней монархии Владимира, с населением того же происхождения; на левом берегу Днепра ее колонизаторские предприятия привлекли даже определенное число московских подданных, живших по бассейну Ворсклы, Сулы и Удая в согласии с дикими севрюками, о которых упоминалось выше, и не имевших в себе ничего польского. В эту помесь вмешался также и туранский элемент, и, хотя и представленный довольно слабо в эту эпоху, он прежде играл довольно значительную роль, судя по татарским именам большей части местности: Балаклея, Баладина, Берчады и т. д. Наконец несколько валахов и значительное число евреев и армян дополняли фонд, которым располагали для культурной работы носители польской цивилизации.

Без всякого преувеличения, результаты, полученные ими до середины семнадцатого века, свидетельствуют об усилиях, достойных большего внимания и являются прямо замечательными, особенно в западной части Волыни, где как раз сосредоточивались владения князя Острожского. Далее на восток жизнь прогрессировала значительно медленнее, и в 1625 году на 2812 квадратных лье, в палатинатах Киева и Брацлава, инвентари указывают лишь 1400 деревень с 545 280 жителями. Эта разница объясняется не только большей отдаленностью от очага культуры, но еще и особенно присутствием в этой части земли, предназначенной для культивирования, того непокорного элемента, который из глубины Сечи простирал на всю соседнюю область тень самой беспробудной дикости. Стоя между основателями деревень и городов и организаторами вооруженных банд, сконцентрированных в степи, Польша должна была таким образом с тройной точки зрения – политической, социальной и экономической – встретиться с проблемой, разрешение которой оказалось ей не по силам.

6. Украинская проблема

Совершенно так же, как и московское правительство, в его сношениях с донскими казаками, так и польское правительство усмотрело сначала в Запорожье и в других казачьих группах Украйны драгоценный материал, который мог быть пущен в ход против турок и татар как подходящий источник военных сил, но потом нашло в них источник тяжелых забот.

В 1578 году, желая установить хорошие отношения с Портой, ценою похода в Москву, Баторий думал уничтожить эти «вертепы разбойников». Но это было легче сказать, чем сделать, и, в конце концов, королю пришлось ограничиться паллиативом, в котором хотели обнаружить грандиозный план организации, настоящая цель которого заключалась в том, чтобы смирить украинскую милицию, обратив ее в регулярное войско на службе у республики. Но такая мера была лишь временной. Нуждаясь в поддержке против Грозного и имея кампанию лишь в перспективе, Баторий хотел прибавить к своим наличным силам 500 казаков и дал им в виде обещанной платы свою украинскую вотчину в Трахтемирове, где должны были устроить для них казарму и где хотели найти начало новой казацкой столицы.

Но вот и все; сама по себе идея не была новой; крестьяне королевских вотчин в Украйне уже с начала века принимали участие во многих предприятиях, и этот новый опыт не был из наиболее удачных. Судя по дневнику одного секретаря Батория, казаки, приведенные королем в Московию, прославились лишь одним: покушением на изнасилование, смутившим сон государя. Эта горсть регулярных солдат совершенно не знала дисциплины, представляя собой простой сброд разбойников и, хотя король старался придать этой организации постоянный характер и самое широкое распространение, все же украинская проблема не была этим серьезно

разрешена. Впоследствии, когда в дело вмешался знаменитый польский изгнанник Самуил Зборовский, татары и турки направили в Варшаву столько жалоб и угроз репрессий, что пришлось самим прибегнуть к репрессии, и в 1584 году, когда Зборовский был обезглавлен в Кракове, кровь более тридцати казаков, казненных в Лемберте в присутствии чауша, должна была послужить средством успокоения Порты.

Но и этого было мало. Чтобы упорядочить степь со всем тем, что было в ней противного порядку и миру, нужно было покрыть ее сетью крепостей, снабженных сильными гарнизонами. Необходимо было также уничтожить в соседнем Крыму этот очаг организованного разбоя, куда часто казаки переносили борьбу, но где еще чаще они изощрялись в самых гнусных своих проделках. Польша не была в состоянии вырваться из этого заколдованного круга, так как была ослаблена внутренними беспорядками. Но следует заметить, что сам Петр Великий не решался взяться за такое дело и завещал его, таким образом, Екатерине Великой. Республика употребляла лишь одни паллиативы и при этом обнаруживала печальную непоследовательность. «Регистрованным» казакам (так назывались казаки на службе у республики) она не всегда платила обещанное жалованье и, запрещая им набеги в соседние страны и грабеж, только толкала на них, не умея заставить себе повиноваться. Одинаково недовольные и никому не покорные, и те и другие влияли самым гибельным образом на мирную часть населения, которую они посягали с ранних пор подчинить своей власти, игнорируя польские магистраты и оспаривая у концессионеров правительства владение некоторыми землями.

Республика решила тогда отделить доброе семя, посеянное ею в степи, от плевелов, выросших одновременно с ним, и задалась целью ограничить рост последних. Начиная с конца шестнадцатого века был издан ряд циркуляров, имевших целью воспретить казакам доступ в города и деревни, даже для покупки там съестных припасов; и наоборот, обитатели городов и деревень должны были оставаться в зоне их становищ. Но это оказалось положительно невозможным и внесло в эту среду, уже и так достаточно возбужденную, новую причину недовольства. Даже трудящаяся часть населения этой местности была готова к восстанию.

В принципе и в самом начале участь поселян в этой местности была достаточно удовлетворительной. В глазах барщинных крестьян Польши в эту эпоху Украйна считалась Эльдорадо, и не без причины. Обширные вольности и другие льготы, дарованные контрактами колонизации, давали колонистам большую свободу и широкую возможность наживы. Все обязанности, наложенные на них, сводились лишь к некоторой подати, натурою или деньгами, и к некоторым обязанностям военного характера. Барщины там не существовало или она была крайне ограничена; в одном таком хозяйстве крестьяне обязаны были отработать три дня в году, а в другом восемнадцать деревушек показаны «не платящими ничего и свободными от всяких повинностей».

Общее для шестнадцатого века такое положение вещей, кажется, заметно не изменилось в следующем веке в коронных поместьях, в староствах. Что касается частной собственности, то она держалась только в южной области, более недоступной для земледелия. На северо-западе, напротив, после наплыва колонистов, сделавшего менее необходимыми меры предусмотрительности, начиная с 1620 года мы видим в волынских имениях князя Острожского, что крестьяне обязаны были тремя или даже пятью днями работы в неделю, сверх разных натуральных повинностей. И, быстро развиваясь, эта система здесь, как и в Польше, довела до чудовищных размеров количество оброков и уплату податей натурою со стороны совершенно подавленных земледельцев; меры хлеба (osyp) и пары каплунов трижды в год; подати на ульи (oczkowe), на рогатый скот (rogate), на рыбную ловлю (stawszczyna), на пастбища (spasne), на сбор желудей (zolendne), на охоту (dziesiecina), на помол зерен (suhomielszczyna), и сверх того он должен был работать на собственника, так что крестьянину оставалось лишь урывками – не отдыхать, – но работать на собственном поле.

С другой стороны, свободная земля уменьшилась вместе с прогрессом колонизации, новые концессии захватили земли, уже отданные для свободной обработки, и распространили и на них режим барщины. Когда первые концессионеры заявляют о своем jus primi possidentis [право первого захвата], им противопоставляют отсутствие документов, доказывающих их права. Напрасно они ссылаются на конституцию, которая в 1659 году освободила владетелей от таких оправдательных бумаг: с того же года фаворит двора, палатин Брацлава, Ян Потоцкий, добыл себе привилегию требовать обратно kaduki, т. е. все вымороченные имения, за недостатком документов. И он пользуется этим правом.

С одной саблею в руке и с другими за спиной, казаки сопротивляются по большей части этому отобранию земель, и новые затруднения прибавились теперь к прежним. Остается еще указать на большую язву – last but not least – в польской колонизации: это эксплуатация очень большего числа поместий посредниками, по большей части евреями. В силу своей беззаботности или неспособности управлять непосредственно своими огромными latifundia, крупные украинские собственники прибегли к системе общих или частичных аренд, и можно себе представить, чем сделались в такой среде арендаторы израильского происхождения.

Нельзя даже приблизительно подсчитать число евреев, поселившихся в эту эпоху на обоих берегах Днепра. Нам приходится прибегнуть к указаниям, которые, однако, свидетельствуют о крайне быстром росте этого контингента: в Виннице, например, в Подолии, инвентари указывают пятнадцать подданных этой категории в 1569 году и семьдесят семей в 1604 году. К середине семнадцатого века евреи, эти первые жертвы казацких набегов, как кажется, кишели повсюду.

Повсюду они возбуждают к себе ненависть. Являясь кабатчиками, ростовщиками, купцами, евреи безжалостно эксплуатируют местное население. Но особенно они стали ненавистными в качестве арендаторов. В качестве такового еврей заменяет собою собственника во всех его правах. В одном контракте указано на то, что «светлейший синьор Авраам Шмойлович (sic) и его жена Рыкла, дочь Иуды», имеют право действовать при всех обстоятельствах loco domini. Таким образом, добытые ими права представляют собой на самом деле юрисдикцию без права апелляции как в гражданских, так и в уголовных делах. Происходя от литовского статута, jus vitae и necis, правда, в Польше никогда не признавалось юридически, но оно было освящено обычаем. Закон 1768 года служит тому доказательством, ставя как раз своей целью положить конец этому злоупотреблению.

По благоразумию или просто благодаря инстинктивному отвращению «синьор Авраам Шмойлович» и его сородичи, кажется, не часто прибегали к мечу. Но они широко пользовались всеми остальными правами, доходя до эксцессов, которые должны были бы показаться невероятными, если бы они не были удостоверены многочисленными документальными данными. Говоря «о церквах, арендованных по всей Украине евреями», одна дума лишь воспроизводит то, что совершалось на практике. Факты показывают, что евреи облагали податью браки и крестины своих подчиненных, и для того, чтобы укрепить за собою это право, носившее название dudek или posemszczyzna, они хранили у себя ключи от церквей!

Ужас перед режимом, который евреи возлагали на подчиненных им в хозяйственном и юридическом отношении людей, выражается даже в источниках польского происхождения, и, конечно, не в Украйне, где совсем не умели говорить по-латыни, были составлены в ту эпоху следующие стихи:

Clarum regnum Polonorum
Est coelum Nobiliorum
Paradisum Iudeorum,

Et infernum Rusticorum.[1]

Тяжелая ответственность падает в этом отношении на польскую колонизацию. Тем не менее она нашла себе защитников, даже в Малороссии. Указывали на то, что сам Петр Великий не мог добиться порядка и благосостояния в этой стране, как только путем восстановления в ней власти польских сеньоров. Жестокость, отличавшая этих господ, являлась для украинского народа лишь отражением его собственного варварства, как и его попытки к восстанию являлись лишь следствием анархистского духа, вызывавшего и оправдывавшего неизбежные крайности. Польша, по мнению этих апологистов, явилась, напротив, жертвою излишней мягкости и терпимости, доходившей почти до наивности.

Эти указания содержат долю истины. Положение украинских крестьян, как оно ни было плачевно, являлось в XVII веке, в общем, более сносным, чем положение их товарищей по несчастию в других странах в то время, когда там царило рабство. Казаки, со своей стороны, пользовались здесь совершенно исключительным положением; как жалобы, так и мятежное движение всегда рождались в их среде. Наконец, как в области общественной, так и в частной, если не считать ряда случайных злоупотреблений и личных уклонений, польский темперамент никогда не обнаруживал ни большой строгости, ни уменья систематического применения какого-либо режима.

Несомненно, что политический и социальный кризис, случившийся в Украйне с начала семнадцатого века, в котором потонуло польское владычество, имел своей причиной брожение казаков. Но во всех областях и при каждом режиме этот элемент положительно не подчинялся никакой дисциплине. Никогда его нельзя было приучить к полицейской организации. Повсюду, чтобы установить порядок и мир, приходилось его ограничивать или укрощать насильственными мерами, и в общем самый сильный упрек Польше в этой части ее исторической жизни состоит в том, что она не сумела опередить свою северную соперницу в употреблении необходимых мер расправы.

Применение к этой стране общих правил является бессмысленным. По своему географическому положению и по своей исторической формации она стояла вне всякого шаблона, и благодаря этому получились совершенно особые черты характера и нравов из этой смешанной амальгамы этнических индивидуальностей, сброшенных туда в одну кучу, как камни, приготовленные для постройки. К глубокой меланхолии, выраженной так ярко в его поэзии, и общей тенденции к безрассудным и отчаянным предприятиям присоединялись взрывы безумной веселости, в которой этот народ, находившийся в состоянии образования и обреченный на постоянно тревожную жизнь, искал забвения от пережитых лишений и ожидавших его впереди опасностей. На темном фоне этой печальной судьбы, постоянно угрожаемой новыми бедствиями, казацкая фантазия рисовала пестрые узоры. Между двумя нашествиями, турецким и татарским, сопровождавшимися ежедневными битвами и непрестанной тревогой, крики печали и горя сменялись взрывами радостного и удалого веселья. Обычная бедная жизнь деревень и местечек уступала место внезапным взрывам диких оргий в результате какой-нибудь очень богатой жатвы или исключительно прибыльного набега. Под руки с рыцарями, вчера одетыми в лохмотья, а теперь в шелк, появлялись на улицах их жены или любовницы, еще босиком, но с золотыми серьгами в ушах, отнятыми в каком-нибудь турецком гареме.

Все это создавало среду беспорядочно разнузданную, фантастическую, экстравагантную, в которой введение какого-либо порядка вещей, хотя бы только нормального, являлось чистым парадоксом и, представляя собой полную противоположность инстинктам, вкусам, привычкам и страстям населения, должно было натолкнуться на отчаянное сопротивление. Нет никакой необходимости объяснять это, как делают некоторые, воображаемым антагонизмом учрежде-

[1] Славное царство поляков – небо для знати, рай для иудеев и ад для крестьян.

ний, противополагая польский индивидуализм туземному коммунизму. Принцип коллективизма очень слабо применялся всегда в Украйне, в Сечи, где, как это мы показали выше, она была вызвана иностранным влиянием. Что же касается республиканского радикализма народных масс по берегам Днепра, то он был обязан своим происхождением исключительно полетам фантазии историков, которые его открыли. Конфликт был неизбежен между этим хаотическим миром и всяким правительством, которое стремилось бы подчинить его закону, каков бы он ни был. Но ни национальный вопрос, ни вопрос религиозный долго не играли никакой роли в этой борьбе, и когда эти вопросы оказались в ней замешанными, то лишь маскировали присутствие других интересов: честолюбивых замыслов и страстей, действовавших с гораздо более реальной силой. Эти вопросы только осложнили проблему, и вот почему необходимо указать ясно то место, которое они в нем занимали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.